

A man in a black cap and a woman in a black lace top are featured in a city setting at sunset. The man is on the left, wearing a black cap and a black shirt, with his hand on his forehead. The woman is on the right, wearing a black lace top and a black belt, with her hand near her chin. The background shows a city skyline with buildings and a street lamp, with the sun low on the horizon creating a warm, golden glow. Birds are flying in the sky.

ЖИЗНЬ

АЛИСА ЧУДНАЯ

18+

Алиса Чудная

Ты и я

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63027487

SelfPub; 2020

ISBN 978-5-532-03369-6

Аннотация

Матвей – лучший друг моего парня, и я боюсь его до дрожи. Однако именно он приходит мне на помощь, когда ситуация становится безвыходной. Взамен он хочет стать мне другом. Но так ли все просто?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	15
Глава 3	26
Глава 4	39
Глава 5	59
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Глава 1

Я стою на балконе и напряженно всматриваюсь в темноту двора. Жду его, жду, когда он придет, потому что обещал забрать меня отсюда и провести домой, но... Часики тикают, а его все нет и нет. Трясущимися руками достаю телефон из кармана и снова набираю номер. Абонент недоступен. Последний час только эти слова и слышу, пытаюсь сдержать в груди тревогу, которая разрастается и полностью охватывает мое трясущееся от холода тело.

– Просто разрядился телефон, – выдавливаю из себя эти слова, хотя сама не верю им.

Не верю себе же.

И хоть я промерзла уже изрядно, возвращаться в квартиру не тороплюсь – не хочется. Там спит Анька, которая неплохо перебрала алкоголя, Ритка уединилась в другой комнате со своим очередным ухажером и теперь стонет, как недорезанная курица, заглушая громкую музыку. Анькин Толик, такой же перебравший, позволяет себе отпускать пошлые намеки в мою сторону, а я чертовски задолбалась терпеть это все. Поэтому и позвонила Артему в надежде, что он меня заберет. Одной идти домой не хочется, а такси в это время суток в наш неблагополучный район не суется. Заказы сбрасывают один за другим.

– Где же ты? – спрашиваю я, гипнотизируя взглядом телефон, и тот, словно услышав меня, оживает. – Артем, где ты?

– Лучше скажи мне, где ты? – голос в трубке принадлежит другому человеку. Матвею, лучшему другу Тёмы.

С Матвеем я мало знакома. Точнее не знакома совсем. Видела его пару раз в компании ребят, с которыми гуляет Тёма, но наше общение ни разу не заходило дальше «привет-пока».

Сердце забилось чаще. Раз мне звонит Матвей – значит, с Тёмой что-то случилось. Не стал бы он посылать своего друга просто так.

– Что с ним? Матвей? Где он? Почему он не пришел? – обрушиваю шквал вопросов на парня, надеясь услышать хотя бы один внятный ответ.

– Ты на Гагарина восемь? – спокойно перебивает он, словно и не слушал меня. – Я стою у подъезда. Выходи.

В трубке слышатся гудки, и я, чтобы не осесть на пол, хватаюсь пальцами за перила. Смотрю вниз и вижу макушку Матвея, пристроившегося на невысоком заборчике, огораживающем клумбу. В тусклом свете подъездной лампы пытаюсь рассмотреть его получше, но не выходит. Слишком высоко, седьмой этаж, и света не хватает.

Ужом проскальзываю внутрь квартиры и, увернувшись от пьяного Толика и еще одного его друга – Олега, кажется, – вылетаю в прихожую. Времени одеваться нет. В спину подгоняют пьяные вопли. Кажется, эти двое так спешили меня

поймать, что столкнулись лбами в узеньком дверном проеме и теперь выясняли отношения. Я же, не теряя времени даром, подхватываю ботиночки на каблукке, срываю пальто с вешалки и небольшую сумочку на цепочке, висящую под ним, и выскакиваю за дверь, напоследок хлопнув ею об косяк.

По лестнице сбегая, не останавливаясь, и вскоре оказываюсь на улице. Матвей сидит на том же заборчике, поднимая воротник, и зябко ежится. В его руке тлеет сигарета, которую он тут же, завидев меня, бросает. Босиком подбегаю к нему и только тогда чувствую такую необходимую защищенность.

Матвей без лишних слов забирает у меня пальто и помогает надеть. Присаживается, чтобы застегнуть молнию на моих ботильонах, а когда снова встает, в его глазах я вижу заботу и волнение.

– Они что-то тебе сделали? – нервно спрашивает, пристально осматривая меня с ног до головы.

– Не успели, – отрицательно качаю головой и хватаю его за руку. – Давай уберемся отсюда поскорее?

– Да, пойдём.

Со двора мы уходим быстро, но, оказавшись в паре кварталов от злосчастного дома, я останавливаюсь и поворачиваюсь к нему.

– Тёма где?

Матвей отводит глаза, резко выдыхает и принимается шарить рукой по карманам.

– Не кури, пожалуйста, – прошу, увидев в его руках пачку сигарет. – Не переносу табачный дым.

– Хорошо, – он легко соглашается и вместо того, чтобы спрятать пачку обратно в карман, решительно сминает ее и бросает в урну.

– Скажи, с Тёмой что-то случилось? – снова спрашиваю я, чувствуя себя заезженной пластинкой. – Он же обещал меня забрать. Почему он не пришел? Почему отправил тебя?

– Не волнуйся, хорошо? С Артемом все в порядке, просто возникли некоторые непредвиденные обстоятельства, поэтому он и не смог, – уверенно говорит Матвей, глядя мне в глаза.

– Что за обстоятельства? И почему он отключил телефон? – не умолкаю я, не находя себе места от волнения.

– Он сам тебе обо всем расскажет, – отвечает Матвей и, давая понять, что разговор окончен, берет меня за руку. – Ничего лично, просто мне так спокойнее будет.

Я послушно прячу кулачок в его ладони и бреду за ним. Он не спешит, старается подстроиться под мои мелкие неуверенные шажки. Я же ступаю осторожно – высокие каблуки то и дело попадают в выбоины на асфальте, ноги подворачиваются. Да и пара глотков шампанского делает свое дело.

Наконец мы замираем возле моего дома, и я с благодарностью смотрю на парня.

– Спасибо, – тихо шепчу, потому что не знаю, что еще

сказать ему, как общаться дальше.

– Не за что, – пожимает плечами Матвей и выпускает мою руку. – Знаешь... – небольшая заминка, от которой у меня все обрывается вниз, словно я лечу в пропасть. – Я подожду, пока ты поднимешься домой. Только напиши мне, ок? Ну, что все в порядке!

– Ок, – киваю я и бегу к подъезду.

Уже открыв подъездную дверь, я оборачиваюсь и ловлю на себе пристальный взгляд парня. На какое-то мгновение кажется, что он сказал мне не то, что хотел на самом деле, но я отпускаю эту мысль, позволяя ей раствориться в темноте лестничного пролета.

Темнота в подъезде стала какой-то фишкой наших новостроек. Вроде квартиры, которые продавались тут, имели довольно высокую стоимость за квадратный метр, тем не менее лампочки на лестничных клетках выкручивались регулярно и исчезали в неизвестном направлении.

Поднявшись на третий этаж, я приваливаюсь спиной к стене, так и не решаясь войти в квартиру. Сейчас начнутся расспросы, что же случилось, из-за чего я так рано вернулась домой. И не объяснишь ведь маме, что Анькин парень – похотливый козел, который собрал себе под стать таких же на квартире у подруги, наивно полагая, что девочки – это расходный материал.

Когда я отпрашивалась, еще не знала, что все так получится. Теперь же вот стою под дверью и понимаю, что своим

возвращением могу обломать маме все планы.

Но деваться некуда. Решаюсь и вставляю ключ в замочную скважину, тихо проворачиваю и тенью проскальзываю в квартиру. Из ванной комнаты доносятся звук плещущейся воды, мамин смех и мужской голос. Теперь понятно, почему мать так просто меня отпустила. Небось, снова своего любовника привела и теперь развлекается с ним.

Я не могу упрекать ее в этом. Когда отец ушел к девушке, которая мне в сестры годится, мама словно с цепи сорвалась. Остригла коротко волосы, похудела, записалась в спортзал, чтобы «накачать попку» и стала менять любовников как перчатки. Причем каждый ее парень обязательно был моложе предыдущего.

Вот и сейчас, судя по кожаной косухе, небрежно брошенной на полу в прихожей, и рваным джинсам, с ней в ванной плескался мой ровесник. Ну, может, немного старше меня.

Она строила свою личную жизнь, не задумываясь о том, что этим рушит мой спокойный и уютный мир.

Стараясь не наделать шума, я осторожно вынимаю из шкафа ключи от нашей старенькой двушки. Переночую там лучше. Пусть мама будет счастлива. Да и кто я такая, чтобы осуждать ее? Если таким образом ей становится легче, то пусть поступает как хочет. Уже большая девочка. Даже очень.

Переобуваюсь в удобные кеды, вешаю пальто, взамен натягиваю кожаную курточку и выскальзываю из квартиры, ти-

хонько прикрывая за собой дверь. Сбегать по лестнице в кедах удобнее. Надеюсь, Матвей еще не ушел и не сочтет за наглость мою маленькую просьбу – провести меня еще раз, но уже в другое место.

Он так и стоит у подъезда, окидывая взглядом окна многоэтажки. Хочется верить, что ждет, волнуется, переживает за меня. Должен же хоть кто-то волноваться в этот вечер? Но нет, тешить свое самолюбие этим не стану. Матвей просто ответственный человек, который привык все делать до конца и на «отлично».

Выпорхнув из подъезда, подбегаю к парню.

– Прости, – пытаюсь отдышаться, выдавливаю я. – Не мог бы ты еще минут пятнадцать потерпеть мое присутствие?

И хотя в его взгляде читается вопрос, Матвей молча кивает, засовывая руки в карманы.

– Здесь, если что, недалеко, – робко уточняю я, чувствуя себя виноватой.

Ну а как еще себя можно чувствовать? Парень и так провозился со мной кучу времени, а я, вместо того чтобы его отблагодарить, навязываю свое общество.

– Хорошо, – кивает он. – Ты не замерзнешь так?

– Нет, все в порядке, – выдавливаю из себя улыбку и почему-то начинаю оправдываться. – Просто у мамы гости... точнее гости. Не хочу ее волновать лишний раз, пусть отдохнет как следует.

Матвей смотрит на меня так, словно точно знает, что я

недоговариваю что-то, но молчит. Лишь протягивает руку, предлагая ухватиться за нее. И я, повиновавшись странному порыву, цепляюсь как за спасительный круг.

– Мне жаль, что мы с тобой раньше не общались, – выдаю я, восторженно разглядывая ночную улицу. – Мне кажется, ты очень интересный человек и с тобой должно быть легко.

– Артем не одобрит это общение, – вспоминает друга парень. – Он за свое будет бороться до последнего. Его и так перемыкает, когда он слышит, что ты собралась куда-то со своей подругой и ее парнем.

– Он настолько не доверяет мне? – задаю вопрос, думая о том, что Матвей сейчас сказал.

Мне странно слышать это, Артем ни разу не просил меня, чтобы я не ходила с Анькой. Оказывается, каким бы взрывным нравом он ни обладал, все же в некоторых вопросах умеет держать себя в руках.

– Он не доверяет другим, – поправляет Матвей и зачем-то добавляет: – Как и я. Тем более этому есть все предпосылки.

– Ну ничего же страшного не произошло. Просто мальчики выпили. Ну перебрали, с кем не бывает?

– Со мной, – он говорит это настолько уверенно, что мне становится не по себе.

– Ты можешь рассказать мне о Тёме побольше? – прошу я.

Мне действительно интересно узнать, какой он в кругу друзей, когда меня нет рядом. Как он ведет себя, о чем думает, о чем мечтает.

– Лучше сама спроси его об этом.

Я кожей чувствую, что Матвей начинает злиться. И даже могу его понять. Мало того, что свалилась ему на голову и теперь парень вынужден таскаться со мной по району, так еще и пытаюсь выведать о его друге хоть какую-то информацию. Фактически толкаю на предательство. Вынуждаю сплетничать за спиной.

– Прости, – понуро опускаю голову. – Я бестактна.

– Не бери в голову, – улыбается он. – Просто всему есть свое время.

Эту фразу я часто слышу от мамы. Точнее слышала. Сейчас она все больше погружена в свои фантазии и придуманный мир, в котором мне, увы, уже нет места.

По улице мы с Матвеем бредем молча. Каждый думает о чем-то своем, не видит смысла нарушать личные границы и делиться своими переживаниями. И лишь у панельной девятиэтажки, у которой я невольно притормаживаю, борясь с воспоминаниями о прошлом, Матвей вопросительно смотрит на меня, словно желает прочесть мысли.

– Мои родители в разводе, – поясняю я. – И в этой квартире мы жили все вместе...

– Не хочешь идти туда? – спрашивает Матвей, едва приподнимая бровь.

– Нет, что ты! – слишком громко восклицаю я, чтобы не показать ему, насколько он прав. – Просто...

– Просто что?

– Просто... – с силой ударяю кулаком по своей раскрытой ладонке. – Я не хочу оставаться там одна. Там призраки прошлого, которые теребят душевные раны, погружая меня в уныние. Я скучаю по отцу. Нет, я не оправдываю его поступок, но все равно. И мне больно находиться среди пустых стен, где раньше я слышала веселый смех мамы и непонятные ребенку шуточки папы. Понимаешь?

С надеждой заглядываю в глаза Матвея, боясь увидеть там недоумение. Ловлю себя на мысли, что его лицо никогда не смогу забыть. Едва различимые в тусклом свете отдаленных фонарей черты были непривычными, не такими, какими виделись днем. Голубые глаза напоминают небесную синеву, а может, и море, в котором так много тайн. Губы, едва тронутые легкой улыбкой, в которой кроется нежность, возможно, и нечто большее.

Он несомненно красив, и мне требуется некоторое время, чтобы стряхнуть с себя наваждение. Резко отворачиваюсь и смотрю на темные окна девятиэтажки. Все нормальные люди давно спят, лишь я одна блуждаю в темноте под ручку с лучшим другом своего парня.

Утром мне будет стыдно. Знаю, что буду себя казнить за то, что собираюсь сделать. Но между этим поступком и страхом остаться одной я однозначно выбираю поступок.

– Матвей, – тихо зову я, опуская глаза вниз. – Ты можешь подняться со мной? Нет, не подумай ничего такого, просто... Просто мне действительно одиноко и страшно.

Он молчит, и когда я решаюсь поднять глаза вверх, разочарованно выдыхаю. Матвей стоит, засунув руки в карманы и внимательно рассматривает выбоину на асфальте. Я уверена, что внутри него идет борьба, ведь на кону его дружба с Тёмой. И я чувствую себя демоном-искусителем, который вот так бесцеремонно втиснулся между друзьями и пытается прямую с двумя точками перевести в треугольник.

– Прости, не подумала, – бормочу я, чувствуя, как заликает щеки румянец.

– Я останусь с тобой, – перебивает он мои внутренние метания. – И не накручивай себя, я вполне адекватно оцениваю ситуацию. Тебе просто нужно осознание, что ты не осталась наедине с призраками прошлого.

Глава 2

Завернув в ночной магазин, что за углом, я быстро покупаю чай, пачку печенья и кое-какие продукты, из которых утром можно соорудить нехитрый завтрак. Когда грузная продавщица сонно тычет пальцами по кнопкам калькулятора, Матвей аккуратно оттесняет меня от прилавка и достает кошелек.

– Мне неудобно... – начинаю я, но под внимательным взглядом парня тушуюсь и просто отхожу в сторону, замирая у витрины со сладостями.

В памяти всплывают моменты такого далекого прошлого, в котором я была еще совсем ребенком. Каждые выходные мы всей семьей ходили в парк, где летом ели сладкую вату, осенью собирали листики и плели из них венки, зимой катались на санках и играли в снежки, а весной радовались солнышку и цветущим каштанам. И каждый раз после прогулки мы заходили в этот магазин, где мама выбирала продукты, папа расплачивался на кассе, а я замирала, прильнув носом к стеклу витрины, за которым лежали шоколадки и конфеты.

А после мы возвращались домой, где папа втайне от мамы вручал мне плитку шоколада, а потом, чтобы не рушить репутацию справедливого отца, говорил:

– Иди вымой руки. И сначала поедим, шоколад потом, по-

няла?

Я радостно кивала и бежала в свою комнату. Шоколад оставляла на письменном столе и даже подумать не могла о том, чтобы послушаться папочку.

На глаза наворачиваются слезы, которые я украдкой смахиваю ладошкой. К Матвею я поворачиваюсь уже с улыбкой на лице. Он стоит позади меня и внимательно смотрит – наблюдает за тем, как меняется выражение лица. Почему-то мне кажется, что он заметил мою слабость в отражении витрины.

– Не нужно, – говорит, когда мы выходим на улицу.

– Что? – спрашиваю я.

– Не нужно казаться той, какой ты не являешься на самом деле, – его рука ладонью вверх протянута ко мне, и я, словно так и надо, в ответ протягиваю свою.

– Ты меня считаешь маленькой?

– Почему ты так думаешь? – удивляется он.

– Ну... мне так кажется, – пожимаю плечами. – Ты берешь меня за руку, и я вспоминаю, как папа всегда так делал, чтобы я не потерялась. Он очень боялся меня потерять.

– Ты общаешься с ним сейчас? – Матвей замирает у подъезда и покорно ждет, пока я достану ключи.

– Нет, не могу, – качаю головой, придерживая дверь. – Мне кажется, что это будет нечестно по отношению к маме. Она очень болезненно переживала их разрыв.

– Ты и есть маленькая, – улыбается Матвей, поднимаясь

за мной по лестнице. – В тебе еще остался юношеский максимализм. Хотя это здорово. Я бы хотел оставаться ребенком вечно.

– Серьезно?

– А почему бы нет? – теперь мы стоим у входной двери, и я пытаюсь побороть старенький замок, который давно никто не смазывал. – Мы стремимся вырасти, нам кажется, что это круто, но не понимаем совсем, что это также ответственность. И теперь некому решать наши проблемы.

– Проходи, разуйся, чувствуй себя как дома, – я щелкаю выключателем, и в прихожей загорается свет.

В квартире все осталось так же, как и прежде. Те же уютные стены, которые теперь на меня давили, словно зажимая между собой. Та же мебель, к которой теперь я боюсь прикасаться, чтобы ненароком не обжечься о свои воспоминания. Все было прежним.

Пройдя в свою комнату, я смотрю на складной диван, который в детстве мне каждый вечер раскладывал папа, а потом они с мамой застилали мне постель. Смотрю на ровный слой пыли, которым покрыты полочки книжного шкафа и письменный стол.

Здесь давно никого не было. В квартире спертый воздух и пахнет прошлым. Проглатываю ком, который мешал мне дышать все время, стоило зайти в квартиру, и бросаюсь к окну. Пусть на улице только весна и еще довольно прохладно, но здесь необходим приток свежего воздуха, иначе я задохнусь.

Матвея нахожу в кухне. Он чиркает спичкой, поджигая старенькую плиту и ставит на конфорку чайник. На столе уже стоят две кружки, которые Матвей помыл. В углу гудит холодильник, который парень воткнул в розетку, чтобы продукты, которые купили на завтрак, не испортились. Мимолетом отмечаю про себя, что он хозяйственный. И, скорее всего, перфекционист.

Открываю окно в кухне и замираю, глядя на темный район, который подсвечен лишь фонарями, стоящими вдоль дорог.

– Свежо, – выдыхаю я.

– Ты не простудишься так? – его голос так непривычно звучит в стенах моей квартиры, что я невольно вздрагиваю.

– Нет, что ты, – улыбаюсь и поворачиваюсь к нему. – Сейчас проветрим немного, и я закрою окна.

Матвей вытаскивает из пакета шоколадку и протягивает мне.

– Держи, ты перенервничала, а в шоколаде содержится гормон счастья. И это нужно тебе сейчас, – на его лице тоже улыбка. Такая мягкая и открытая, что я начинаю чувствовать себя легко с этим человеком.

Мои мысли прерывает свист закипевшего чайника. Слежу за парнем, который уверенно наливает кипяток в кружки, и думаю о том, что Артему очень не понравилось бы это...

Странно, но после того, как Матвей взял меня за руку, я совсем не думала о Тёме. И мне становится стыдно, хоть

и ненадолго. В конце концов стыд замещает обида. Чем он может быть занят в те моменты, когда мне так необходимо чье-то присутствие рядом?

Я еще долго не могу уснуть. Ворочаюсь на разложенном диване и думаю о прошедшем дне. Хочется верить, что это был один из самых худших дней в моей жизни, но... Понимаю, что впереди еще предстоит тяжелый разговор с парнем, которого я, как мне кажется, люблю.

Обида ворочается в груди, перебивая собой даже усталость. Дикое ощущение безысходности и пустоты, от которого хочется выть. Смотрю слезящимися глазами на экран телефона – три утра. А от Тёмы нет ни смс, ни пропущенного – ничего. Слово и его нет – растворился где-то в сосредоточении темных улиц и домов.

Хочется позвонить маме, услышать ее тихое «алло» в трубке и просто помолчать. Мама же самый родной человек на свете, она же должна понять, что ее дочери плохо... И я ловлю себя на том, что набираю ее номер телефона и застываю, не решаясь нажать на последнюю кнопку – кнопку вызова.

Нет, так нельзя. Маме сейчас хорошо, и ей наплевать на мои переживания и страдания. Вполне возможно, я накручиваю себя – и завтра станет легче. Так зачем лишний раз грузить кого-то своими проблемами?

Переворачиваюсь на спину, понимая, что мне стыдно. Стыдно перед Матвеем, который оказался настолько дели-

катным, что не смог мне отказать и вынужден сейчас ворочаться в соседней комнате на неудобном диване-книжке.

«Ты уже большая, Варвара, и должна решать свои проблемы сама», – думаю я, пытаюсь себя убедить в том, что я со всем могу справиться. И ведь, в конце концов, что страшного произошло? У подруги парень козлом оказался? Ну бывает, и что дальше?

Артем не смог прийти и прислал вместо себя друга? Ну тоже бывает, я же не знаю, что у него случилось.

Друг парня сопит в соседней комнате? Вот это уже свинство, конечно, но Тёма поймет. Я сама ему скажу, какая эгоистка и что заставила Матвея остаться из-за моего каприза. А Тёма хороший, он обязательно поверит.

Но перед Матвеем по-прежнему стыдно...

Тихонько вылезая из-под одеяла и крадусь в кухню, чтобы попить воды.

А может, плюнуть и перебраться жить сюда? Пусть мама устраивает свою личную жизнь, а я же буду устраивать свою. Скажу Тёме, что хочу попробовать пожить вместе, а там что-нибудь придумаем. Все-таки мы встречаемся почти год, а это уже серьезно...

Стою со стаканом в руке, зябко поеживаясь, и продолжаю убеждать себя в правильности принятых решений. На мгновение приходит страх, что Тёма не согласится – все же это серьезный шаг. А я одна тут не смогу. Я задохнусь здесь в одиночестве.

Окидываю взглядом кухню и понимаю, что нужно сделать ремонт. Сменю обстановку, и тогда, возможно, мне станет легче. Сорвать эти обои к чертям, на которых я так любила рисовать в детстве и выкрасить стены в какой-нибудь приятный цвет. Снять эти шкафы и заказать новые, а вместо газовой плитки, которой уже лет и лет, заказать и установить электрическую плиту. Пусть ее вмонтируют прямо в столешницу.

В дверном проеме появляется Матвей. Бегло отмечаю про себя, что его волосы растрепались, что он в одних джинсах и босой... Заспанный и такой домашний. Уютный, я бы сказала. На подтянутом теле виднеется черная роспись. Тату.

Рисунок тянется вдоль всего торса: начинается на шее и спускается вниз, куда-то ниже, чем линия пояса его джинсов.

– Не спится? – его голос хриплый, непривычный. Кажется грубым, но почему-то мне хочется слушать его и слушать.

– Просто пить захотелось, – пожимаю плечами, радуясь, что в полумраке Матвей не может разглядеть меня и, скорее всего, не заметил оценивающего взгляда. – Ты почему не спишь?

– По той же причине, – усмехнулся он, опираясь на столешницу с вмонтированной мойкой. – Тёмыч не звонил?

Я мотаю головой.

– Обидно, – тяну я. – Не хочется думать, что я для него просто кукла, которая нужна в определенные моменты или чтобы похвастаться перед друзьями.

– Выкинь дурные мысли из головы и не накручивай себе лишнего, – теперь его голос звучит резко, и я втягиваю голову в плечи. – Прости, я не самый адекватный собеседник в четыре утра.

– В три, – поправляю я. – В три утра, Матвей.

– Не суть, – отмахивается он. – Ты идешь спать?

Я снова качаю головой, стараясь разглядеть очертания стакана, который держу в руках.

– Мне не спится, мыслей много.

Матвей шумно выдыхает. Мне кажется, я его совсем утомила. Возится со мной, как с маленькой девочкой, хотя, по идее, вообще не должен думать о том, что меня беспокоит.

– Поделишься? – спрашивает он.

– А надо? – задаю встречный вопрос.

Он неопределенно пожимает плечами, а после кивает.

– Да. Если это не секрет.

– Обдумываю план по захвату вселенной, – мрачно шучу.

– Маленькая завоевательница? – в его голосе слышится смешок.

– Скорее, истеричка с целым набором комплексов. Ладно, нужно немного поспать. И для завоеваний, и для истерик нужны силы.

Ставлю стакан на стол рядом с мойкой и неожиданно для себя поднимаю глаза. Матвей стоит совсем рядом и, кажется, даже не дышит. Это выглядит странно. Интригует.

Чувствую жгучее желание прикоснуться к его тату. Инте-

ресно, какая кожа на ощупь? Почему-то мне кажется, что она мягкая и шелковистая...

Мысленно закатываю глаза – откуда во мне такие рассуждения и желания?

– Сладких снов, – говорю я и ухожу в свою комнату.

Забираюсь под одеяло, накрываясь им с головой. Что со мной происходит?

Просыпаюсь от трели будильника, который я установила на телефоне, чтобы проснуться пораньше. Бессонница – это хорошо, но рушить свой режим не хотелось.

Крадусь в кухню и на пороге с удивлением замираю – на столе меня уже ждет завтрак. Смотрю на веселую рожицу из яичницы и невольно улыбаюсь сама.

Матвея нигде нет. Лишь на диване поверх аккуратно сложенного пледа лежит записка, которую я почему-то опасаясь читать. Сейчас, утром, когда я могу адекватно оценивать свое поведение, меня мучает совесть.

Крепко зажмурившись, раскрываю лист, который сложен в несколько раз, и, сделав глубокий вдох, смотрю на текст.

«Ты слишком сладко спала, поэтому не стал тебя будить. Выброси все мысли из головы и не думай ни о чем. Ты мне понравилась, с тобой легко и приятно. Рад буду, если ты разглядишь во мне не простого парня, который тусуется с твоим любимым, а настоящего друга. До встречи!»

Перечитываю строчки еще раз, и еще... На душе становится тепло. Беру телефон и набираю краткое: «Спасибо».

Матвей поймет, что для меня значат его слова. И поймет, за что я благодарна ему.

Отправляю и невольно вздрагиваю от вибрации и значка входящего смс на телефоне. Неужели он так быстро написал ответ? Ждал, что ли?

Перехожу во вкладку сообщений и натываюсь на уведомление, что телефон Артема снова в сети.

На миг ловлю себя на мысли, что разочарована. Я действительно хотела бы, чтобы смс мне прислал не робот оператора, а Матвей. Написал мне о том, что он думает по поводу вчерашнего вечера и не злится ли на меня, что вынужден был провести ночь, скрючившись на неудобном диване. Однако от него нет ответа. Зато звонит Тёма.

– Да? – отвечаю на звонок, хотя меньше всего мне хочется сейчас с ним разговаривать.

В душе еще живет обида, что он со мной так поступил.

– Детка, прости, – выпаливает Тёма, пока я прокручиваю в голове обидные фразы, которыми хочется ему причинить боль. Не потому, что я злая или мстительная. Просто чтобы понял, что чувствовала я вчера, когда стояла беззащитная на балконе и в слезах набирала его номер снова и снова. – У моей сестренки нарисовались траблы, и я вынужден был сорваться с места, чтобы помочь ей. Ты же там осталась, я правильно понял? Если хочешь, то я могу сейчас тебя провести.

Замираю, прижав телефон к уху. Неужели Артем не знает, что меня вчера забрал его лучший друг?

– Нет, спасибо, я уже дома, – отвечаю я, стараясь скрыть напряжение в голосе.

– Дома? – переспрашивает Тёма. – А, ну да... Чего это я? Встретимся сегодня?

– Да, нам нужно поговорить, – киваю я, забыв о том, что парень меня не видит.

В трубке тишина. Мне кажется, что Артем озадачен моими словами и теперь думает, как бы деликатно переспросить. И я молчу, не хочу раскрывать все карты раньше времени. Пусть мое решение переехать станет для него вечерним сюрпризом.

– Надеюсь, ты не собираешься меня бросить? – спрашивает Тёма, и я по интонации угадываю, что он очень зол. Или напуган.

– Глупый? Нет, конечно! – смеюсь я и слышу, как он выдыхает. – Я люблю тебя, Артем!

– И я тебя, детка!

На этом наш разговор завершается, однако в груди по-прежнему почему-то пустота. Что-то изменилось в моем восприятии мира. И это что-то настолько неуловимо, что я сама не могу понять пока.

Глава 3

Перед тем как вернуться домой, бегло осматриваю квартиру. Подхватываю пакет с мусором, выхожу и закрываю дверь. Сбегая по лестнице вниз, думаю о том, что неплохо было бы позвонить Аньке, чтобы узнать, как у нее дела.

Рите звонить не хочу. С ней у нас никогда раньше не ладилось общение, а после того, как я начала встречаться с Артёмом, и вовсе сошло на нет. Я знаю, что она увлечена им. Помню, как приходила ко мне и часами сидела в подъезде, а стоило мне выйти, чтобы поговорить – смотрела с укором и уходила прочь.

Зато Лада в ней души не чаяла. И это я могу понять – подруга из Ритки куда лучше, чем я. Она и заступится всегда, поддержит, а если кто-то начинает творить нечто безумное – вправит мозги, да так качественно, что долго потом не смотришь в сторону глупостей.

А еще я хочу узнать больше о Матвее. Странно, что мы раньше не общались, учитывая, что мой парень – его лучший друг. Хочется верить, что Артём просто ревнует – боится, что наши отношения рухнут, а потому оберегает меня от потенциальных соперников. Но нет, что-то внутри бьет тревогу, призывает быть осторожнее и внимательнее.

Выйдя из подъезда, замираю. На лавочке сидит Матвей,

но пока меня не замечает. Думает о чем-то, глядя перед собой. Периодически он взъерошивает темные волосы пятерней, вздыхает и продолжает копаться в себе.

Его что-то гложет, это заметно невооруженным взглядом. И нужно быть полной дурой, чтобы не догадаться об этом.

Стараясь не напугать, подхожу и опускаюсь рядом.

– Привет, – тихо говорю, едва склоняясь.

Матвей не сразу слышит меня, еще некоторое время сидит, погруженный в свои мысли. Лишь когда я легко касаюсь его плеча, он вздрагивает и поднимает на меня свой затуманенный взгляд.

– Прости, – робко улыбаюсь. – Я не хотела тебя напугать.

Он молчит. А говорить и не нужно, я легко читаю все в его глазах. Матвей заботливо заправляет мою выбившуюся прядь за ухо, ненароком касаясь моей щеки. Мимолетом отмечаю про себя, что кожа на его пальцах грубая, не такая, как у Артема, который ни дня в своей жизни не работал.

– Ты давно тут сидишь? – делаю третью попытку завести разговор. – Почему не поднялся? Должна же я отблагодарить тебя за завтрак.

– Я думал, что ты еще спишь, – наконец говорит Матвей. – Ты уснула лишь под утро.

– Есть такое, – смущаюсь я, опуская взгляд вниз, на свои кеды.

Непослушная прядь снова выбивается из-за уха, но я не обращаю внимания на эту мелочь. Я прислушиваюсь к сво-

им ощущениям. Пытаюсь понять, почему мне так спокойно рядом с Матвеем и как стереть с лица глупую улыбку.

– Не спешишь? – спрашиваю я, поднимая глаза, и натыкаюсь на его пристальный взгляд. – Прогуляемся?

– Не вопрос, – Матвей поднимается с лавочки и протягивает мне руку, помогая встать. – Только...

Я непонимающе смотрю на него, а потом перевожу взгляд на мусорный пакет, который по-прежнему держу в руке.

– А! Да, – нервно улыбаюсь. – Прости, я задумалась и забыла совсем.

– Давай, – он забирает пакет. – Выбросим по пути.

Мы выходим со двора и просто бредем вдоль улиц, даже не задумываясь, куда идем. Погода на редкость удивительная – сияет солнце. Оно пока не греет, но уже навевает ощущение близости тепла.

– Расскажи мне что-нибудь, – прошу я, касаясь запястья его руки.

– Что ты хочешь узнать?

– Расскажи о тату. Что она означает? Когда ты ее набил? Больно ли было? – не знаю, почему я вспоминаю о рисунке.

– Она имеет особое значение для меня. Несет в себе смысл, который я вкладывал, когда рисовал эскиз, – коротко отвечает он и замолкает.

Теперь меня съедает любопытство.

– Какой смысл? – спрашиваю, но тут же спохватываюсь, видя, как Матвей помрачнел. – Прости, я порой перехожу

границы и сую свой нос не туда, куда следовало бы.

– Ничего, – натянуто улыбается. – Я как-нибудь тебе обязательно расскажу. Но позже. Не сейчас. Прости.

Улыбаюсь, вдруг поймав себя на мысли, что сравниваю наше общение с хождением по тонкому льду. Когда боишься делать шаги, потому что в любой момент можешь допустить ошибку и с головой уйти под воду. И шансы на спасение будут минимальными. Только если другой подаст руку и спасет.

Но ведь может выйти и так, что под воду уйдут оба.

На улицах городка пахнет весной. На тоненьких веточках то тут, то там появляются почки, которые вот-вот раскроются, выпуская светлую зеленую листву наружу. А листва символизирует новую жизнь.

Глупая теория, которая тем не менее мне так нравилась с самого детства. Времена года я всегда сравнивала с замкнутым циклом жизни и смерти. Весной природа переживала очередное рождение. На лето приходился пик жизни всего живого. Осень в моем понимании представляла из себя старуху, которая на глазах увядала. А зима... Зима же была той самой элегантной дамой, одетой в белый балахон и уверенно сжимающей в тонкой руке древко косы. Именно этим орудием она касалась всего вокруг, а после словно сама пугалась и старалась поскорее скрыть от глаз людских свои злодеяния, укрывая белоснежным пушистым одеялом улицы.

В кармане вибрирует телефон, и я замираю посреди ули-

цы. Под пристальным взглядом Матвея достаю из кармана мобильный и гляжу на экран – снова Тёма. Сердце в груди гулко бьется, словно вот-вот собирается пуститься в путешествие по организму, сея повсюду панику. Встревожено смотрю на Матвея и чувствую себя преступницей. Вроде бы ничего плохого не совершила, однако чувство вины не желает уходить прочь.

– Ответь, – улыбается Матвей, хотя улыбка ему почему-то дается через силу. По лицу скользят мрачные тени, и это тревожит меня сильнее.

– И что я ему скажу? – хмурюсь, так и не решаясь принять звонок.

Матвей лишь пожимает плечами, этим жестом словно говоря, что не намерен вмешиваться в наши с Тёмой отношения.

– Если боишься, что он осудит тебя, не говори, что со мной. Но... Там, где есть любовь, нет места недоверию.

Делаю несколько шагов вперед и отвечаю на звонок. Сердце уже не просто колотится, оно грохочет где-то в области ключиц, заставляя рвано дышать, будто я только-только совершила забег на длинную дистанцию.

– Да? – тихо, прикрывая ладошкой рот, спрашиваю я, услышав тишину в трубке.

– Детка, а ты где? – голос Артёма напряжен. Создается впечатление, что он обо всем знает. И о том, что я не ночевала дома, и о том, что все это время я провела с его лучшим

другом. – Я у тебя под подъездом. Неплохая погодка, чтобы прогуляться. И я соскучился, не могу ждать до вечера.

– Я вышла пройтись. Хотелось подумать обо всем на свете и ни о чем одновременно, – отвечаю я, умалчивая о том, с кем я сейчас. – Но раз ты ждешь, то я скоро буду.

Артем еще что-то говорит, но я плохо понимаю, что именно. Вычлению последнее слово «жду» и сбрасываю звонок. В голове бьются слова Матвея про доверие. Он безусловно прав. Но мне сложно сказать Тёме правду. Словно внутри меня выстраивается что-то, какой-то барьер, который не дает мне сделать это.

Как некстати в памяти воскресают воспоминания о нашем знакомстве с Матвеем. Артём взял меня с собой, в свою компанию, чтобы познакомить с друзьями. А я была на седьмом небе от счастья, ведь раз он решил представить меня своим близким людям, значит, у нас все серьезно.

Ребята меня приняли тепло. Все, кроме самого Матвея, который стоял, облокотившись на свой байк, и задумчиво всматривался в мое лицо. Курил и о чем-то думал.

А я не могла отвести взгляд, словно бросала вызов ему. Смотрела, как он скользит глазами, словно срисовывает меня на холст своей памяти, и морщилась, когда едва уловимый сигаретный дым достигал моего обоняния.

– Привет, я Варя, – улыбнулась ему тогда, протягивая правую ладошку, чтобы пожать его руку.

Зачем? Сама не пойму. Тогда это казалось правильным.

Так нужно было, чтобы показать искренность своих слов, проявить дружелюбие. А Матвей едва заметно хмыкнул, подошел к урне, которая стояла в двух шагах, потушил и выбросил окурок, а после просто сел на байк и уехал, не удосужившись сказать мне хоть слово.

Тёма сделал вид, что так и должно быть, лишь что-то матерное процедил сквозь зубы, глядя в спину уезжающему на байке другу. Меня же эта ситуация повергла в непонимание. Я долго еще задавалась вопросом, почему парень был холоден. Что плохого я ему сделала, раз не заслужила даже банального «привет» в ответ.

– Не обращай внимания, – горячо говорил Артем, положив руки мне на плечи. – Мот у нас такой. Немного дикий, отстраненный, но отличный чел. Пройдет немного времени, и я вас уже нормально познакомлю. На дружбу с ним, конечно, не рассчитывай – я ревновать буду. Но обещаю, что он станет к тебе более терпимым.

А я стояла и часто-часто моргала, пытаясь прогнать непрошеные слезы. Слезы обиды. Потому что мне было чертовски больно, что со мной поступили таким вот образом.

Наивная глупая дурочка, которая принимает все слишком близко к сердцу.

– О чём ты задумалась? – спрашивает Матвей, и я резко вздрагиваю.

Прошное слишком уж смешалось с настоящим, что даже сейчас я не могу отделить то самое чувство обиды от чувства

благодарности.

– Мне нужно идти, – выпаливаю я и тут же, не дав Матвею шанса что-то сказать, добавляю: – Провожать не надо, меня встретит Артём.

Матвей лишь кивает, смахивает с моего плеча невидимую соринку, но избегает прямого взгляда глаза в глаза.

– Да, хорошо, – улыбка его натянутая, неискренняя. – Я напишу тебе, можно?

– Конечно, – улыбаюсь в ответ, касаясь рукой его щеки. – Спасибо. Ты вчера очень мне помог.

– Не за что. Всегда обращайся.

Я разворачиваюсь и иду в сторону дома. До него всего пять кварталов, и нет необходимости ждать автобус. Пешком быстрее выйдет. Мне отчаянно хочется оглянуться, чтобы еще раз взглянуть на Матвея, но я запрещаю себе это делать. Почему-то уверена, что он так и стоит, сверлит тяжелым взглядом мне спину, вновь думая о чем-то своем.

Однако перед тем, как повернуть за угол, я все же не выдерживаю и оглядываюсь. Парня уже там нет.

Почему в моей груди разочарование?

Чего я ждала?

Артём меня встречает у въезда во двор, улыбается, и по его глазам я понимаю, что скучал.

– Прости, детка, – коснувшись моего лба своим, тихо говорит. – Вчера я подвел тебя, не смог приехать туда.

– Что случилось? – спрашиваю я, немного отстраняясь.

– Малая попала в переделку, нужно было спасти, – словно нехотя отвечает он.

А меня гложет обида. Нет, я понимаю, что она его сестра и он всегда придет ей на помощь. Как понимаю и то, что она для него гораздо больше значит, чем я, родная кровь все-таки, самый близкий человек на свете после мамы. Но ничего не могу поделать с теми чувствами, которые меня обуревают.

Я тоже попала в переделку.

Мне тоже нужна была его помощь.

Отвожу взгляд, опасаясь, что и Артем прочитает в глазах мои мысли. Тем более они безрадостные. Чувствовать себя на втором месте после кого-то...

И тут же корю себя за это. Заставляю свою внутреннюю обиду утихнуть, чтобы не сойти с ума от боли.

– Ты хотела со мной поговорить, – напоминает Артём. – Так может, не будем ждать до вечера?

Он увлекает меня в сторону кафе, в котором мы часто проводили время.

Я любила это место. За уютные столики с чистыми накрахмаленными скатертями. За вкусный горячий шоколад с корицей и десерты, которые таяли во рту. За ненавязчивую расслабляющую музыку, которая едва слышно лилась из динамиков, развешанных по углам помещения. За теплый мягкий свет торшеров, которые стояли у каждого столика. И за мягкие кресла, в которые можно было опуститься и закрыть глаза, чтобы помечтать о чем-то своем. А еще там повсюду

были книги. Много книг, которые можно было взять и почитать. И толстая кошка Мурка, которая вольготно укладывалась на коленях, громко, словно трактор, мурча и блаженно щурясь.

Но сейчас я словно в ступоре и не хочу идти туда. Не хочу осквернять то место – наше с Тёмой место – своими мыслями, недоверием и страхом.

– Ты даже не спросишь, как я провела вечер? – спрашиваю у него, останавливаясь у входа.

– Как ты провела вечер? – тут же подхватывает Артём.

– Отлично, – хмуро киваю я. – Спасибо.

Он подходит ближе и кладет руки мне на плечи. На его лице извиняющаяся улыбка, но мне этого недостаточно. Она не кажется мне искренней и открытой, какой казалась раньше. Сейчас я почему-то вижу в нем врага.

– Не дуйся, крошка, – Тёма целует меня в нос, отчего я морщусь. – Я толком ночь не спал, и голова сейчас не варит. Идем?

Киваю и первой захожу в кафе. Снимаю курточку и сажусь за предложенный столик. Жду, пока Артем снимет верхнюю одежду. Какая-то мысль проскакивает на задворках разума, но я так и не могу за нее зацепиться. А сердце болезненно сжимается, как от плохого предчувствия.

Наконец, повесив свою косуху, Артём садится за столик напротив меня и берет в руки меню. А я все так же пытаюсь уцепиться за свои ощущения, за ту мысль, которая пока

неуловима.

– Что будешь? – спрашивает меня Тёма, и я вынырываю из задумчивости. – Как обычно?

– Нет, – качаю головой. – Сегодня я хочу кофе. Сладкий-сладкий.

– Ты какая-то странная, – он с подозрением смотрит на меня. – Точно все хорошо?

Я киваю.

– Расскажи мне о своих друзьях, – прошу я.

– А что о них рассказывать? Ты же сама их видела, сама знаешь всех, – пожимает плечами Артем.

– Знаю, – соглашаюсь. – Но не всех. Матвей так и остается для меня загадкой.

Тёма поднимает на меня взгляд, и я понимаю, что сказала глупость.

– Ты с ним виделась? – вопрос бьет прямо в цель.

Не могу решить, что ответить. С одной стороны, лгать не хочу совсем, а с другой... Ругаться с Артёмом тоже не хочу.

Неопределенно пожимаю плечами, что можно расценить и как «да», и как «нет».

– Не общайся с ним, слышишь? Он редкостная скотина и мудака, – горячо шепчет Тёма, и в его глазах я замечаю страх.

– Почему? Вы поругались?

– С ним невозможно поругаться, – качает головой Тёма. – Он слишком себе на уме. За долгие годы нашей дружбы я так и не смог понять, о чем он думает. Абсолютно непред-

сказуемый, неуловимый... Я считаю его ненадежным.

– Почему? – словно попугай повторяю я.

– Была у нас история одна. Он спал с моей сестрой. Потом они разбежались. Хотя в этом я сыграл немаловажную роль. Рассказал ей о его прошлом. На том их отношения закончились.

Я не решаюсь задавать еще вопросы. Вижу, что между нами висит напряжение, и чувствую, что теперь Тёму гложет любопытство.

– Не важно, – отмахиваюсь я. – Прости, что спросила. Мне было интересно.

– Ничего страшного, – выдыхает Тёма. – Я много думал. Мы с тобой почти год вместе. Может, нам пора вывести отношения на новый уровень?

Артём говорит то, о чем я думала сегодня ночью, но почему-то сейчас это больно бьет под дых.

– О чем ты? – нервно улыбаюсь, делая вид, что не понимаю, о чем речь.

– О том, что мы долгое время ходим за ручки, как школьники... Черт! – в его глазах мелькает злость. – Я хочу тебя, понимаешь? Почти год, день за днем, ты сводишь меня с ума.

– Ты считаешь, что переспать – это равно вывести отношения на новый уровень, – мрачно отвечаю я.

– Нет. То есть да... В общем, почему бы нам не попытаться пожить для начала вместе?

Разве не этого я хотела? Разве не об этом я думала сегодня

ночью? Почему же сейчас, в момент, когда Тёма озвучивает мои мысли, мне совсем не радостно?

Внутри все леденеет. Страх, который с каждой секундой перерастает в ужас, словно парализует меня, не давая совершить ошибку.

– Прости, – подсакиваю я, едва не сбивая с ног официантку, которая принесла наш заказ. – У меня срочное дело, о котором я совсем забыла. Давай вечером поговорим об этом, хорошо?

Несусь к выходу, по пути хватая с вешалки свою кожаную куртку. Взгляд снова цепляется за косуху Тёмы, которая остается там висеть. И снова неуловимая мысль проскальзывает, хотя додумать я ее не успеваю.

Где-то я ее видела... Эту чертову косуху...

Глава 4

Вернувшись домой, первым делом заглядываю в комнату мамы, которая сладко спит после своих ночных приключений. Смотрю на нее долгим взглядом, пытаюсь понять, чего в данный момент во мне больше – сочувствия или осуждения, но не могу. Вздохнув глубоко, осторожно поправляю одеяло, которое почти сползло на пол, и едва ощутимо целую ее в висок.

Переодевшись в домашнее, с опаской заглядываю в ванную. Мало ли, что там после этих голубков осталось... Но нет, в ванной чистенько, видно, что утро мама потратила на уборку.

Эх, папа, как же так-то, а? Разве мы сделали тебе что-то плохое?

Все это кажется неправильным, неестественным. Так не должно быть... Но ничего не изменить. Остается только принять реальность такой, какая она есть.

Вхожу в свою комнату и устало опускаюсь на кровать. Смотрю на узоры, которыми расписаны обои, и думаю, как позорно бежала из кафе. Ведь я сама ночью думала о том, чтобы попробовать... Почему, когда это предложил Артём, я не смогла совладать с испугом и так быстро отказалась от своего решения?

Наверное, потому, что пока эти мысли крутились в моей голове, они казались правильными, а стоило словам повиснуть в воздухе, я поняла абсурдность этой затеи. Правильно меня когда-то учила бабушка: хочешь узнать, правильное ли решение приняла – произнеси его вслух. А лучше попроси кого-то проговорить это.

Ответ на мой вопрос приходит внезапно. Я не люблю Артема. Да, когда-то была увлечена им, но сейчас это увлечение стало привычкой. Я не могу представить себе, как засыпаю на его плече или обняв его. Я не могу представить наши совместные завтраки и ужины. Я вообще не могу представить его рядом с собой.

В голове прочно селятся сомнения. Ради того, чтобы разобраться, я даже заставляю свое воображение нарисовать картину нашего будущего. Увидеть Артёма, который постоянно рядом. Почти все наше свободное время. Смогу ли я совладать с его характером? А он сильнее моего в сотни тысяч раз. Смогу ли не реагировать на перепады его настроения и терпеть не только в моменты спокойствия, но и в моменты злости, агрессии, ярости?

Нет, не смогу...

А еще мне кажется, что он мне лжет. Никогда раньше не думала о таком, да и вообще, признаться, я особо и не думала... Относилась к Тёме как к тому, что само собой разумеется. Словно он есть – и так должно быть.

Вернее, должно было быть. Как один разговор может из-

менить мое отношение настолько?

В памяти всплывают моменты, которые также не красят Тёму. Вернее, дают повод задуматься об истинном положении вещей. Год назад он говорил о Матвее как о лучшем друге. И я помню его глаза, которые светились в тот момент гордостью. Сегодня в них была горечь.

И вспоминаю, что Матвей спал с его сестрой. И хотя я не знакома с семьей Тёмы, он никогда не горел желанием познакомить меня с родителями, с сестрой, чувствую, что внутри что-то меняется, что-то начинает давить, словно на душу лег тяжелый камень. И это чувство гнева, относящееся к девушке, о которой я знаю только понаслышке, и не могу объективно судить о ее поведении.

И в этот момент, будто желая меня добить окончательно, приходит осознание – мне нравится Матвей... Нет, не как друг нравится, а именно как парень.

Словно издеваясь, воображение рисует картину будущего с ним. Такую призрачную, но приятную. Гоню прочь эти видения, напоминая себе о том, что совсем не знаю этого человека, но мысли, как назло, становятся четче, реальнее, яснее.

Вспоминаю чувство защищенности рядом с ним. Почти наяву чувствую бодрящий, немного терпкий древесный запах его одеколona. Его смуглую кожу, едва подсвеченную светом луны, проникающим в окно темной кухни, отчего казалось, будто кожа мерцает, светится. Желание коснуться его, легко провести пальцами по коже, повторяя причудли-

вый узор татуировки.

Сердце в груди начинает оживать. Бьется быстрее, потому кажется, что мне не хватает воздуха. Тяжело дышу и облизываю пересохшие губы. А воображение продолжает играть с моими чувствами.

Теперь оно словно раздвигает стены маленькой уютной комнатки, втискивая в нее эфемерную кухню в какой-то параллельной реальности, где я не сдерживаю странный порыв и подхожу к Матвею. Касаюсь, почти физически ощущая шелк его кожи с едва проступающими контурами тату. Он напряжен, внимательно смотрит на меня, словно ждет, что же я сделаю дальше. И я смелею. Кладу руку на его грудь и заглядываю в глаза, невербально прося прощения за эту дерзость. Потом касаюсь губами его подбородка и испуганно замираю. Теперь все зависит от него...

– Нет! – резко встаю с кровати и обхватываю себя руками. – Нет, нет, нет! Так нельзя!

Прохожусь вдоль комнаты – к окну и обратно. Сердце уже не просто бьется, оно колотится в груди как сумасшедшее, будто вот-вот покинет меня, выберется наружу и уйдет к другой хозяйке, которая не будет такой дурой.

Замираю на месте, касаясь пальцами своих губ, и отчаянно желаю почувствовать в реальности то, что ожило в моем воображении. Испуганно отдергиваю руку и делаю шаг назад. Так нельзя! Нельзя! Неправильно это!

Трясущимися руками хватаю телефон и захожу в общий

чат с девчонками. Быстро набираю сообщение, словно гонимая неведомым чем-то и, написав, смотрю на текст. Сжимаю ни в чем не повинный смартфон в руках до побелевших костяшек.

Нет, это не выход. Подругам говорить уж точно ничего не стоит. Стираю сообщение и блокирую экран. На мгновение, перед тем как погаснуть, экран показывает наше с Тёмой фото, сделанное прошлой весной. Как раз в один из первых дней наших отношений. Я игриво показываю язык камере, а Тёма закатывает глаза, словно желая поскорее закончить с этим глупым испытанием селфи.

И мне становится стыдно. Совесть ворочается в груди ежиком, покалывая сердце и душу. Мне неудобно. Моя зона комфорта рассеялась как дым, заставила взглянуть на жестокую реальность.

Я увлечена лучшим другом своего парня.

И я совсем не знаю, что теперь с этим делать.

Убрав квартиру, немного успокаиваюсь. Смотрю в холодильник, в котором из еды лишь пакет с виноградом да нарезка фруктов на тарелке, и вздыхаю. Ничего нового – все стабильно в нашем доме.

Переодевшись в спортивный костюм, быстро набрасываю в заметки список продуктов и бегу в магазин. Мама явно не спала всю ночь. И, скорее всего, ее ожидает похмелье, как проснется – когда я убиралась, вынесла целых четыре пустые бутылки из-под вина.

В магазине я быстро хватаю необходимые мне продукты и, расплатившись на кассе, бегу домой. Приготовлю легкий супчик – как раз то, что надо человеку после зажигательного вечера, плавно перетекшего в не менее бурную ночь.

Когда произошла смена ролей, мне вспомнить тяжело. Просто в один момент как-то поймала себя на мысли, что теперь я за старшую в доме. С подругами беседовали на эту тему, и если Ладка с Анькой промолчали, отводя в сторону глаза, Ритка высказалась резко. Посоветовала сдать маму в руки психиатру, потому что, по ее мнению, там даже психолог не смог бы помочь.

А я не могу. Мне кажется это предательством. И хоть сейчас, после ее развода с отцом, мы живем как соседи, я все равно люблю ее трепетно и нежно.

Мама появляется в кухне, когда я уже почти довариваю суп. Потягивается, как кошка, и игриво улыбается.

– Кажется, все прошло хорошо? – спрашиваю ее, накрывая крышкой кастрюлю и выключая плиту.

– Это было божественно, – мурлычет она, вставляя капсулу в кофеварку. – Кажется, я влюбилась, дочь!

– Кажется, я тоже, – мои слова звучат горько, в них скользит отчаяние и какая-то обреченность.

– Он такой... заботливый, – мечтательно протягивает она, не обращая внимания на то, что я сказала. – Такой страстный... М-р-р-р-р...

Настроение пропадает окончательно. Ставлю тарелку су-

па перед мамой и сажусь напротив.

– О, супец, – радостно восклицает она, принимаясь стучать ложкой по тарелке, зачерпывая жидкость. – А у тебя там что? Когда ты наконец-то познакомишь меня со своим хахалем?

– С каким хахалем, мам? – отмахиваюсь от нее, пытаюсь перевести все в шутку. – Ты же знаешь, что на первом месте у меня учеба.

Обманывать мать не хорошо, но я не могу иначе. После того как она в открытую заигрывала с Толиком, парнем Аньки, когда друзья пришли ко мне домой, чтобы посмотреть киношку, я не могу ей доверять. Так стыдно мне еще никогда не было.

Анька, готовая разреветься вот-вот, беспомощно смотрела на меня. А я не могла поверить, что такое может вытворять моя мать.

Фильм мы до конца не досмотрели... А после, когда я провела друзей и попыталась поговорить с маман, и вовсе мое терпение лопнуло.

– Ты ведешь себя не так, – повысив голос высказывала я. – Что обо мне подумают друзья, мам? Зачем ты это делаешь?

Мать лишь фыркала, уткнувшись носом в телефон, где быстро-быстро набирала кому-то сообщение.

Это случилось больше года назад, но забыть не получается до сих пор. Ее безразличие, равнодушие и пофигизм. В тот момент я ненавидела ее всем сердцем.

И даже сейчас смотрю на то, как она моет посуду, и понимаю, что простить ту выходку не смогу.

– Так ты старой девой останешься, Вар, – щебечет мама, вытирая руки. – Разве книжки принесут тебе счастье?

– Тебе не понять, – пожимаю плечами я, вытаскивая конфету из вазочки, стоящей на столе.

– С твоей внешностью, хорошая моя, нужно не терять времени и искать того, кто сможет решить все твои проблемы, а также обеспечить будущее, – она говорит это так, будто это истина в последней инстанции.

– Я больше всего на свете боюсь зависеть от кого-то, мам, – не соглашаюсь с ней. – Я не хочу быть диванной собачкой, пойми. Хочу стать специалистом в своей области и достигнуть всего сама.

– Ты так говоришь только потому, что еще не влюбилась, – легко парирует мама. – А когда поймешь, что любишь, придет осознание и того, что зависишь. Только не материально, а духовно.

– Значит, это не любовь, – упрямо гну я. – Это болезнь, которую нужно лечить, чтобы не стать сумасшедшей.

Теперь мама молчит, лишь усмехается, глядя на меня сверху вниз. А после выходит из кухни, оставляя меня наедине с моими мыслями.

Иду за ней в комнату. Понимаю, что сложного разговора нам не избежать, а значит, не стоит его откладывать.

Мама расправляет постель, разглаживая шелковые про-

стыни, и довольно улыбается.

– Мам, – тихо скребу ногтями по дверному косяку.

– Что? – она вздрагивает и поворачивается ко мне. – Ты что-то хотела?

Собираюсь с силами, чтобы сказать всего несколько слов. «Я хочу жить отдельно». И не могу выдавить из себя даже звук. Так и стою, как рыба, выброшенная на берег, то открывая, то закрывая рот.

– Ну же, говори, – мама опускается на край кровати и хлопает ладонью рядом с собой. – Присаживайся, в ногах правды нет.

Подхожу к ней и устраиваюсь рядом. Сердце колотится, словно после забега на длительную дистанцию, но я заставляю себя сосредоточиться и... снова молчу.

– Вар, что-то случилось? – спрашивает мама, а я мотаю головой, отрицая. – Случилось что-то непоправимое?

Я снова качаю головой. И наконец, не дав себе одуматься, скороговоркой выпаливаю:

– Я хочу жить отдельно, на нашей старой квартире.

Мама хмурится и молчит. Не говорит ничего, лишь смотрит на меня прищурившись, будто размышляет: казнить или помиловать.

– Ну что же, – наконец произносит она, когда тишина становится невыносимой. – Если это обдуманное взрослое решение, то я не против. Но у меня есть несколько условий.

– Каких? – с облегчением выдыхаю я.

– Ты подумаешь над тем, что в твоей жизни должны присутствовать не только книжки.

– То есть? – удивленно переспрашиваю я.

– То есть ты обещаешь мне сейчас, что найдешь себе хотя бы парня, – кивает мама.

Я поднимаюсь с кровати и обхватываю себя руками.

Эх, мам, есть у меня парень, понимаешь? Есть. Только как сказать тебе об этом – я не знаю. Как и не знаю, какие слова подобрать, чтобы объяснить свою странную реакцию на Матвея.

– Хорошо, – говорю я. – Обещаю, что найду себе хотя бы парня.

Наверное, так лучше. Сейчас я перееду, а мама погрузится с головой в свои любовные приключения. Возможно, про меня и это глупое обещание забудет. А если нет, то я найду способ выкрутиться. Я обязательно что-нибудь придумаю.

Обойдя постель, я подхожу к окну. Отдергиваю занавески, чтобы в комнату проникал дневной свет и беру маленькую лейку полить цветы, которые стоят на подоконнике. Справившись с этой нехитрой задачей, долго смотрю вдаль, думая о Матвее, пока мамин возглас не возвращает меня в реальность.

– Вот идиот, – качает головой мама, брезгливо держа в руках разноцветный носок. – Куда нужно было так торопиться, чтобы забыть надеть второй носок?

Я пожимаю плечами, присматриваясь к маминой наход-

ке. Этот носок... где-то я уже подобные видела... Только бы вспомнить где!

И память услужливо подсовывает фрагмент из недавнего прошлого.

Был на редкость пасмурный день. Нас с Тёмой пригласили в гости отмечать двадцать второй день рождения Лёши – одного из друзей моего парня. Когда Артём снимает кеды, я едва сдерживаю смех. На его ногах цветное безумие.

Тёма, заметив мой взгляд, шевелит пальцами на ногах и поясняет, что эти носки ему выбирала сестра. Хотела пошутить, но ему пришлось по вкусу. Необычный принт представлял из себя яркие желтые рожицы на темно-зеленой ткани...

Воздуха становится мало. Я делаю несколько больших шагов и наклоняюсь, чтобы поближе рассмотреть причудливый рисунок.

На темно-зеленом фоне нарисованы яркие желтые смайлики...

– Кину в стирку, потом заберет, – продолжает мама как ни в чем не бывало. – Слишком он дорожит этим безумием. Сестренка подарила.

– Как зовут твоего нового... парня? – хрипло спрашиваю я.

Перед глазами темнеет. В висках стучит кровь, и мне кажется, что я слышу этот стук. Даже не стук – грохот. Натянута, как струна в ожидании ответа, и не могу понять, почему

с каждой секундой все трудней дышать.

– Это имеет значение? – удивленно переводит взгляд на меня мать. – Ты бледная, Вар! Тебе плохо?

– Как зовут твоего чертового парня? – повторяю я, каждое слово буквально выдавливая из себя.

Мама в недоумении, но мне плевать. Я уже знаю ответ...

И этот ответ меня выбивает из колеи.

– А хочешь, я вас познакомлю? – вдруг говорит мама. – Давай так, как только ты находишь парня, я тебя знакомлю со своим. Ты согласна?

Медленно киваю, чувствуя покалывание в руках и ногах, словно те онемели и не желают больше слушаться хозяйку.

Что это? Новая форма издевательств или тонкий намек на то, что пора что-то менять?

Но больше всего меня поражает предательство Артёма. Оно бьет наотмашь по лицу в моем сознании – по щекам текут непрошеные слезы.

Мама продолжает что-то щебетать, не замечая того, что творится со мной. Мне кажется, что ее не волнует вообще ничего, кроме ее личной жизни. Она так беззаботна, улыбается, то и дело поправляя волосы. Или мечтательно замирает, касаясь пальцами губ, проводя по ним, очерчивая контуры. И я на миг закрываю глаза, представляя, как Артём... мой Артём касается ее обнаженных плеч или кладет ей руки на талию, притягивая к себе для поцелуя...

Открываю глаза и резко вылетаю из комнаты. Меня му-

тит, и голова кружится от мыслей, кружащих стаей черных воронов.

Тут же задумываюсь о том, о чем сразу не подумала в кофейне. Выходит, Тёма вчера был здесь. И, черт возьми, это настолько убого звучит, что даже смешно становится в какой-то степени.

Пока мой парень спал с моей матерью, я ночевала в одной квартире с его лучшим другом.

Не замечая ничего вокруг, я застываю посреди коридора, а после сгибаюсь пополам от хохота. Я не знаю, что происходит со мной и почему я смеюсь, когда больше всего на свете хочется выть, стучась головой об стенку. Но я смеюсь. И продолжаю смеяться даже тогда, когда мать выходит из комнаты и встревожено смотрит на меня.

Прихожу в себя лишь тогда, когда она касается моего плеча. Вздрагиваю, как от хлесткого удара плетью, который обжигает кожу, и отшатываюсь в сторону. Невысказанные слова стоят комом в горле и никак не определяются, как им дальше быть: выйти наружу или же навсегда остаться внутри.

– Ты в порядке? – обеспокоено спрашивает мама, вновь протягивая руку, чтобы теперь коснуться моего лица.

Делаю шаг назад, одичало глядя на нее, словно желаю передать ту боль, которая съедает мое сердце изнутри.

– Мне нужно на воздух, – хрипло выдыхаю. – Я вспомнила, что кое-что забыла купить.

Не дожидаясь ее ответа, разворачиваюсь и бегу в сторо-

ну входной двери. Обуваюсь, нервно дергая непослушными пальцами шнурки, после чего хватаю с вешалки куртку и, от души хлопнув дверью, вылетаю наружу.

Злость гонит меня, дышит в спину, словно желает догнать. А я не хочу так просто сдаваться в ее плен. Сейчас я больше всего хочу успокоиться, прийти в себя и снять груз с души, который тяжелым камнем тянет ее на самое дно, куда не пробиваются лучи солнечного света.

Ей нельзя туда. Она погибнет без света. Тьма поглотит ее, распылит, уничтожит в считанные часы. И я погибну вместе с ней.

По улицам бегу, не замечая, как задеваю случайных прохожих. Не останавливаюсь и не оборачиваюсь, чтобы пробормотать очередное «извините». Нет сил и времени на это. Да и не имеет никакого значения. Сейчас самое главное для меня – спастись.

Останавливаюсь я лишь на обрыве, который в заброшенной части парка. Смотрю на соседний район города, который раскинулся внизу и где бурлит жизнь, и понимаю, что уединение – это самое лучшее средство пережить предательство и обман.

Обида гложет изнутри. Обида на близких людей, которым безоговорочно доверяла и с кем была открыта всегда. Даже слабое оправдание, что мама могла и не знать, никак не воспринималось сердцем, быстро бьющимся в груди. Потому что знал Артём. Потому что видел наши семейные фото-

графии, которых у меня множество в телефоне. И пусть мать сейчас сильно изменилась внешне, ее черты лица все равно оставались узнаваемыми. А это уже ничем оправдать нельзя.

Набрав полную грудь воздуха, я что есть силы кричу в надежде, что меня услышат. И разрываюсь от второго желания остаться незамеченной. Остаться слабой лишь для себя, лишь наедине с собой. Чтобы потом никто не смог упрекнуть меня в этом.

Люди любят упрекать. Всех и все, что не желает прогибаться под систему их же стереотипов. Они грызут ногти и локти, искренне веря, что их манипуляции и попытки посадить тебя на цепь останутся не только незамеченными, но и принесут свои плоды, для успокоения низменных порывов гнилой души.

И я кричу, пока в легких не исчезает воздух, не падаю бессильно на колени, задыхаясь от нахлынувших слез. Я даже не стираю их, позволяя им струиться по разгоряченным щекам. Ладони безвольно лежат на коленях. Внутри пустота и бессилие.

Я не знаю, сколько времени проходит, прежде чем наконец прихожу в себя. Понимаюсь, едва покачиваясь, и вытираю руками щеки. Хлопнув ладонями по карманам, понимаю, что в спешке забыла телефон дома. А ведь так хочется сейчас позвонить Артему и сказать ему о том, какой же он говнюк.

Может, и к лучшему, что я такая вот растяпа. Теперь

появилось дополнительное время, чтобы хорошенько подумать, что сделать и как, чтобы парень не догадался, как сильно он меня задел. Да что там задел – унизил, смешал с грязью и вытер ноги. И это еще слабо сказано.

Поворачиваюсь и натываюсь на отрешенный взгляд Матвея, который стоит в паре метров, прислонившись плечом к дереву. Руки скрещены на груди, и на лице хмурое, я бы даже сказала – мрачное выражение.

– Давно ты здесь? – опуская глаза, спрашиваю тихо.

Матвей молчит, лишь уверенно делает несколько шагов вперед, подходя ко мне вплотную. Я не успеваю опомниться, как оказываюсь заключенной в объятия. Чувствую, как он бережно проводит рукой по моим волосам, и утыкаюсь носом ему в грудь. В горле ком, и на глаза вновь наворачиваются слезы.

– Плачь, – говорит он, прижимая меня к себе. – Кричи, можешь ударить меня. Делай все, что облегчит твою боль.

И я послушно всхлипываю пару раз, а после, как маленькая девочка, даю волю эмоциям и вою навзрыд. Матвей продолжает гладить меня по голове, едва ощутимо покачивая меня в своих объятиях.

Я чувствую себя защищенной. От него исходит тепло, которое проникает в меня, согревая изнутри и немного приглушая боль. Поднимаю руки и просовываю под куртку, чтобы сомкнуть их у него за спиной. Прижимаюсь сама, забыв о том, что совсем недавно желала спрятать свою слабость от

всего мира.

Рукам тепло, и я наконец согреваюсь. Постепенно высыхают слезы, на смену которым приходит чувство усталости и пустоты. Хочется вот так заснуть, пока Матвей гладит меня по волосам, и проснуться в новом мире, где нет предательства и боли, а есть лишь любовь, доверие и искренность.

– Все будет хорошо, – тихо говорит Матвей, когда я первая немного отстраняюсь, чтобы поднять на него заплаканные глаза.

Большими пальцами он стирает остатки слез с моего лица и на мгновение задерживает руки на моих щеках. Смотрю внимательно, почти не моргая, и отмечаю про себя новые и новые детали, которых раньше не замечала. Маленькую родинку чуть ниже внешнего уголка глаза, которая едва заметна, если не вглядываться. Черные длинные ресницы, пушистым веером обрамляющие глаза миндалевидной формы. Россыпь мелких морщинок, которые говорят о том, что Матвей любит улыбаться...

Только я еще ни разу не слышала, как он смеется.

В его глазах я вижу душу, которая открыта для меня. Я смотрю и словно заглядываю внутрь него, безошибочно угадывая чувства, которые обуревают в этот миг парня. Но даже несмотря на это, он отлично держит себя в руках. И со стороны кажется спокойным, немного равнодушным или даже безразличным ко всему, что происходит вокруг. Сейчас в центре его вселенной лишь я.

Вижу свое отражение и понимаю, что, несмотря на заплаканный вид, я все еще красива. Странно, но раньше я так не думала, когда часами смотрела в небольшое настольное зеркало. Раньше... Пока не увидела свое отражение в его глазах.

– Спасибо, – шепчу, до конца еще не осознав, что сердце не бьется.

Оно замерло, воспарив куда-то вверх, откуда видно всю-ую землю и каждый уголок нашей необъятной вселенной. И оно ждет, пытается понять, что же будет дальше – жизнь среди пушистых, воздушных, словно перина, облаков или стремительное недолгое падение вниз, после которого только смерть.

Матвей подается немного вперед, чтобы оставить легкое прикосновение своих губ на моем горячем виске, и я благодарна ему за эту нежность. Благодарна за заботу и за то, что он стоит сейчас рядом, держа меня в своих руках, тем самым запрещая сделать шаг в пропасть.

Он – это то, что удерживает меня здесь, в этой реальности, и не дает даже шанса упасть вниз и разбиться.

– Как ты меня нашел? – спрашиваю я, чтобы отвлечься от своих мыслей, в которых растворяюсь с головой.

– Я знал, куда ты придешь, – отвечает он нехотя, впервые отводя глаза.

– Откуда? – само собой вырывается у меня.

– Ты всегда приходишь сюда, когда тебе плохо. Иногда просто стоишь и смотришь вдаль, а иногда кричишь в пусто-

ту в надежде, что никто тебя не услышит.

Эти слова меня повергают в шок. Я протягиваю руку, чтобы коснуться его щеки, тем самым пытаюсь вернуть зрительный контакт.

Матвей перехватывает мою ладонь и отводит немного в сторону.

– Не стоит. Не делай так, – теперь его глаза холодны.

Он словно замкнулся от меня в считанные секунды. Я больше не вижу того, что видела еще несколько минут назад.

– Тебе неприятно? – спрашиваю тихо, почти шепотом.

– Приятно, – прямо отвечает он. – Но это совсем не то, чего ты хочешь сейчас.

– И чего я хочу, как ты думаешь?

– Ты хочешь сделать больно Артёму. И я – идеальное оружие в этой местности.

Я отхожу от него на несколько шагов, вновь останавливаясь на самом краю обрыва. Гляжу вдаль, на темнеющее небо, а после перевожу взгляд на загорающиеся огни внизу.

– Почему ты думаешь, что меня обидел Артём? – поворачиваясь, задаю новый вопрос.

– Это очевидно, – пожимает плечами парень. – Твои глаза правдивы. Ты не умеешь лгать совсем. И притворяться не умеешь. За это Тёмыч тебя и ценит.

– Ценит? – фыркаю я, вновь поворачиваясь к Матвею спиной. – Ты так об этом говоришь, будто уверен.

– Я это знаю, – он подходит ближе и останавливается ря-

дом со мной.

– Ты так и не ответил, откуда ты знаешь, что я бываю здесь, – украдкой кидаю взгляд на Матвея.

– Я любил это место раньше. Часто сюда приходил. И мне казалось, что это только мое, личное пространство. Что никто не знает о нем, никто не придает ему значения. Пока однажды не увидел здесь тебя, – в его глазах отражаются огни города, отчего кажется, будто глаза мерцают, светятся, загадочно и заманчиво блестят. – Это было задолго до того, как ты познакомилась с Артемом.

Глава 5

Я хочу уточнить еще кое-что, но Матвей аккуратно заправляет мне прядь за ухо, а после прикладывает указательный палец к губам, призывая молчать. Соглашаюсь, хотя меня распирает от любопытства.

– Скажи, как ему сделать больно? – перевожу тему и возвращаюсь к своим безрадостным мыслям. – Как его проучить, чтобы он понял, что так поступать нельзя?

– Ты думаешь, что месть – это единственный выход? – спрашивает Матвей. – Я не знаю, насколько сильную он причинил тебе боль. Не знаю, что случилось и из-за чего ты так расстроена.

– Он... – начинаю говорить, а после умолкаю. – Неважно. Совсем неважно. Ерунда.

Странно, но я не могу открыть Матвею истинную причину своего срыва. Мне стыдно говорить о таком даже с самыми близкими подругами. Потому что не знаю, что сказать, где найти слова, а те, которые подобрала, не совсем четко передают суть.

Признаюсь себе, что даже сейчас, спустя некоторое время, внешне успокоившись, я ищу оправдание матери и Тёме. И не могу найти, потому что еще жива злость внутри. Она бушует, ломая границы сердца и стремясь выйти наружу, вы-

плеснуться огромной волной разрушительной силы и смести на своем пути все, уничтожая любые воспоминания.

– Ерунда, – снова повторяю, как мантру, в надежде, что это действительно станет реальностью, что станет совсем неважным, незначительным. Первой ступенькой на пути к жизненному опыту и взрослению.

– Я понял, – кивает Матвей.

И я благодарна ему, что он не взламывает мои личные границы и замки, которые висят на тяжелых цепях, опутавших мою душу. Он просто смотрит так, что его взгляд я чувствую в своем сердце и понимаю: не стоит что-то еще говорить. Он и так все знает. Читает меня, словно открытую книгу. Всю, до самой последней главы и эпилога. Читает, изучает и откладывает в закрома своей памяти, чтобы навсегда запомнить. И, может быть, до этого были десятки книг, и будут сотни книг после – я останусь уникальной, со своей неповторимой жизненной историей.

– Мне нужно домой, – тихо говорю я. – Я ушла, толком ничего не объяснив маме. Она волнуется... надеюсь, – последнее слово произношу едва слышно, почти одними губами, но Матвей слышит и его.

– Тогда идем? – он снова протягивает мне открытую ладонь, и я, даже не задумываясь, вкладываю свою руку, позволяя вести меня за собой, как маленькую.

Второй рукой тру щеки, желая стереть с них воспоминание о слезах. Мне кажется, что стоит матери увидеть меня,

как она все поймет. Догадается, что я солгала и ни в какой магазин не ходила. Почувствует, что внутри меня все обрвалось и не осталось ничего, кроме пустоты.

– Почему ты возишься со мной? – спрашиваю у Матвея, чтобы нарушить напряженное молчание.

– Потому что хочу стать тебе другом, – немного подумав, отвечает он. – В тебе есть что-то такое, что я ценю в людях. И в отличие от некоторых... – небольшой запинки хватает, чтобы я снова подумала о Тёме, – ты реальна. Искренняя, открыта для мира и слегка наивна.

– Дура иными словами, – уточняю я, мрачно улыбнувшись.

– Нет, не дура, – качает головой Матвей. – Просто ты еще совсем не знаешь, что такое жизнь.

– А ты? – задаю вопрос и, кажется, перестаю дышать в ожидании ответа.

– И я, – говорит Матвей. – Никто. Жизнь узнать невозможно. И только глупцы наивно полагают, что смогли ее понять полностью. За это и расплачиваются, ведь она обязательно докажет им обратное.

– Капризная леди, – улыбаюсь, думая о том, что какой-то смысл в его словах есть.

У самого дома я останавливаюсь. Матвей вопросительно смотрит на меня, пытаюсь понять, что случилось, а после опускает голову и прячет руки в карманы.

– Понимаю, ты не хочешь, чтобы нас кто-то видел, – с

усмешкой говорит он.

– Нет, я просто хочу зайти в магазин, чтобы не пришлось объясняться с матерью и вытаскивать наружу то, что спрятано внутри, – улыбаюсь я.

А в душе снова расцветают цветы ненависти. Какая-то частичка меня хочет, чтобы здесь сейчас оказался Артём, чтобы увидел, с кем я провожу время. Чтобы ему было так же больно, как и мне. Двойное предательство – лучший друг и девушка. Отличная же месть. Только банальная.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.